

© 2026. Е. А. Федорова, Д. А. Соловьева
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия

Этический рационализм и «двойничество» в романах «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф. М. Достоевского

*Исследование проведено при финансовой поддержке ПФКИ:
проект № 25-2-009232 «Доминанта души, или Искусство быть Человеком
(Ф. М. Достоевский и А. А. Ухтомский о традиционных ценностях)»*

Аннотация: В статье рассматривается этический рационализм героев романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы», который мешает им жить жизнью сердца, пробуждает Двойника, являющегося, согласно этическому учению А. А. Ухтомского, негативной проекцией субъекта на окружающих. Проявлением Двойника в героях Достоевского являются не только тщеславие, самолюбие, но и страх перед жизнью. Общим между теорией Раскольникова и «земным раем» Шигалева является арифметический расчет: принесение в жертву «материала» ради будущего «избранных» людей. Эксперимент Раскольникова соотносим с убийством Шатова «нашими». Достоевский показывает, что преодоление Двойника возможно только открытием «лица» Другого, верой в него и в Бога. Соня Мармеладова любовью пробуждает у Раскольникова желание новой жизни и веры. Любовь Шатова к возвратившейся жене, чудо рождения ребенка помогают ему окончательно поверить в высшие силы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, романы, рационализм, «Преступление и наказание», «Бесы», Двойник, Собеседник, А. А. Ухтомский

Информация об авторах: Елена Алексеевна Федорова, доктор филологических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14, 150003 г. Ярославль, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499> E-mail: sole11@yandex.ru

Дарья Анатольевна Соловьева, аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14, 150003 г. Ярославль, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4214-1764>

E-mail: soloveva.darya.99@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 20.01.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.03.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Федорова Е. А., Соловьева Д. А. Этический рационализм и «двойничество» в романах «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф. М. Достоевского // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 88–107. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-88-107>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 88–107. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 88–107. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Elena A. Fedorova, Daria A. Solovyova
P. G. Demidov Yaroslavl State University Yaroslavl, Russia

Ethical Rationalism and “Duality” in Fyodor Dostoevsky’s Novels “Crime and Punishment” and “Demons”

Acknowledgements: This work was carried out with financial support from the Foundation for Cultural Heritage, project no. 25-2-009232 “The Dominance of the Soul, or the Art of Being Human (F. M. Dostoevsky and A. A. Ukhtomsky on Traditional Values)”

Abstract: This article examines the ethical rationalism of the characters in Fyodor Dostoevsky’s novels “Crime and Punishment” and “Demons.” This rationalism prevents them from living a life of the heart and awakens the Double, which, according to the ethical teachings of A. A. Ukhtomsky, is a negative projection of the subject onto others. The Double manifests itself in Dostoevsky’s characters not only through vanity and self-love, but also through a fear of life. Raskolnikov’s theory and Shigalev’s “earthly paradise” share a common arithmetic principle: the sacrifice of “material” for the sake of the future of the “chosen” people. Raskolnikov’s experiment can be compared to the murder of Shatov by “our people.” Dostoevsky demonstrates that overcoming the Double is possible only through discovering the “face” of the Other and through faith in the Other and in God. Sonya Marmeladova, through her love, awakens in Raskolnikov a desire for a new life and faith. Shatov’s love for his returned wife and the miracle of the birth of his child help him finally believe in higher powers.

Keywords: F. M. Dostoevsky, novels, rationalism, “Crime and Punishment,” “Demons,” The Double, The Interlocutor, A. A. Ukhtomsky

Information about the author: Elena A. Fedorova, DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Theory and Practice of Communication, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St., 14, 150003 Yaroslavl, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499>

E-mail: sole11@yandex.ru

Daria A. Solovyova, Postgraduate Student, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St., 14, 150003 Yaroslavl, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4214-1764>

E-mail: soloveva.darya.99@mail.ru

Received: January 20, 2026

Approved after reviewing: March 23, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Fedorova, E. A., and D. A. Solovyova. “Ethical Rationalism and ‘Duality’ in Fyodor Dostoevsky’s Novels ‘Crime and Punishment’ and ‘Demons.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 88–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-88-107>

Романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1865) и «Бесы» (1872) не перестают поражать своей актуальностью. Сегодня, когда мы в очередной раз убеждаемся в том, что логически и рационально можно оправдать зло, мысль Достоевского, опередившая время, пульсирует в нас, отзываясь на события нынешнего дня. В рукописных редакциях к роману «Бесы» Достоевский приводит диалог Князя и Шатова, в котором Князь доказывает, что с помощью этического рационализма можно обосновать необходимость любого преступления:

Посмотрите-ка, что будет дальше и вынесет ли Европа такое население без пищи и топлива? И поможет ли наука вовремя, если бы даже и могла помочь? Сожжение младенцев обратится в привычку, ибо все нравственные начала в человеке, *оставленном на одни свои силы, условны* [Достоевский 11: 181].

Что может противостоять логически выверенной мысли, оправдывающей насилие и разрушение? С точки зрения Достоевского, только живая христианская вера, сохранившаяся в православии, и евангельская заповедь любви к ближнему:

Христос — начало всякого нравственного основания [Достоевский 11: 185]; Нравственность и вера одно, нравственность вытекает из веры [Достоевский 11: 188].

Проблема этического рационализма и «двойничества» в человеке относится к тем вопросам, которые волновали и мыслителей последующего времени, в том числе Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942), ученого-физиолога и религиозного мыслителя. Он оставил после себя значительное наследие, в которое вошли статьи, дневники, письма

и заметки на полях книг из его личной библиотеки. В настоящее время эти книги находятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН, в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета, в фонде редкой книги Рыбинского музея-заповедника, а также в частных коллекциях. Попытка собрать эти заметки с указанием мест хранения книг была предпринята в коллективной монографии «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского», которая вышла в свет в 2024 г. [Методология: 89–125]. В 1907 г. (судя по записи на титульных листах книг) Ухтомский приобрел полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, изданное в Санкт-Петербурге в 1906 г. [Методология: 113], на полях книг которого он оставил свои заметки.

Комплексно рассматривая эго-документы ученого, можно убедиться, что этическое учение Ухтомского было сформулировано на основе произведений Ф. М. Достоевского. Весной 1918 г. Ухтомский писал В. А. Платоновой о проблеме «двойничества»:

Кстати сказать, читали ли Вы «Двойника» Ф. М. Достоевского? Это одна из наиболее важных для него тем, которою он болел с первых лет писательства. Знаете ли, что, может быть, труднее всего для человека освободиться от Двойника, от автоматической склонности видеть в каждом встречном самого себя, свои пороки, свои недостатки, свое тайное уродство; но труднее — освободиться от постоянного сопровождения своим Двойником! И только с этого момента, как преодолен будет Двойник, открывается свободный путь к собеседнику! [Меркулов: 117].

Создавая еще один вариант сочинения о космологическом доказательстве бытия Божия, Ухтомский в заключении пишет:

Как только понятно, что за всяким теоретическим упрощением мира кроется урезывание живого горделивым произволом воли, как только прочувствовано принципиальное первенство живой реальности и Лица над самоутверждающим и ищущим самообеспечения знанием, открывается, что лишь культурой целого человека, культурой деяния (воли и любви) может быть достигнуто видение в великом мраке борющихся человеческих душ и лиц. И уже в том сумраке и сумятице борющихся идей и лиц, которые выявляются у Достоевского, выступают контуры трех закономер-

ностей: закона доминанты, закона заслуженного собеседника (возмездия), закона милосердия (любви)¹.

Эти этические законы позволяют рассматривать человека целостно, в единстве его духовной и соматической природы.

Об этическом учении А. А. Ухтомского писали Л. В. Соколова [Соколова], В. Е. Хализев [Хализев]. Философскую составляющую учения Ухтомского исследовал В. Ю. Даренский [Даренский], психологию двойничества анализировал исследователь В. Д. Столбун [Столбун]. Обращение к заметкам Ухтомского на полях его книг позволяет конкретизировать представления ученого о феномене двойничества, которые складывались на основе святоотеческого наследия.

В «Добротолубии», настольной книги Ухтомского, которая хранится в Рыбинском музее-заповеднике, ученый рядом со словами преп. Исихия о необходимости обнаружения в себе греха, пишет:

Раздвоение — норма. Ср. Фейербаховское обвинение религии в том, что она раздваивает человека. Но это именно норма деятельной жизни человека [Добротолубие: 193].

«Двойничество» — это результат грехопадения человека. Возвращение к целостности — движение к спасению. Обнаружение Двойника в себе — рефлексия, которая позволяет человеку освободиться от негативной проекции дурного в себе на окружающих. Следующим шагом должно быть выявление образа Божия в другом человеке:

Поставь доминанту на научение доброму, тогда в каждом человеке и своем собеседнике будешь черпать поучение доброе на доброе для обоих [Добротолубие: 443].

Близок Ухтомскому религиозный опыт, о котором писал психолог-практик У. Джеймс [Джэемс]. Ученый не принимает этический рационализм, заключающийся в игнорировании конкретного субъекта, он отрицает единообразие и однообразие этического мира в философ-

¹ Санкт-Петербургский Филиал Архива Академии наук РФ. Ф. 749. Оп. 1. Ед. хр. 92/6, Л. 104.

ских системах Канта, Гегеля, Ницше. Выходом из состояния «раздвоения» личности становится ее деятельная любовь к ближнему, основанием которой является христианская вера, формирование в сознании личности «категории лица», обращенность к конкретному человеку, а не человеку вообще.

Проблеме «двойничества» в романе «Преступление и наказание» посвящено много работ. Систему двойников в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1865) подробно рассмотрела В. Е. Ветловская [Ветловская], Л. П. Гроссман противопоставил «двойникам» Раскольникова Соню Мармеладову [Гроссман]. Н. Т. Ашимбаева, опираясь на учение Ухтомского, убедительно показала, как постепенно формируется доминанта Раскольникова, которая побудила совершить его преступление [Ашимбаева]. Е. А. Федорова (Гаричева) рассмотрела движение главного героя от Двойника к Собеседнику в свете этического учения Ухтомского [Федорова 2016]. Д. А. Соловьева проанализировала концепт «страх» в романе «Преступление и наказание» и раскрыла с помощью концептного анализа двойственность природы Раскольникова [Соловьева].

В «Преступлении и наказании» теория Раскольникова о делении человечества на «тварей дрожащих» и «право имеющих» становится генератором целой системы персонажей-двойников. Если Двойник Раскольникова — это внутренняя проекция его гордыни, страха и избранничества, то общение с другими становится тем зеркалом, в котором этот Двойник оживает, усиливается или, наоборот, встречает сопротивление. Особенно ярко это раскрывается в диалогах Раскольникова с Мармеладовым, Свидригайловым, Соней, Порфирием Петровичем.

Семен Захарович Мармеладов выбирает Родиона Раскольникова в качестве исповедника, «чувствительного» и «образованного» человека [Достоевский 6: 12]. Мармеладов, «переступивший» через свое достоинство и через свою семью, вербализует то, что Раскольников только чувствует: унижительное состояние «твари», которую «метлой выметают из компании человеческой» [Достоевский 6: 13]. В Раскольникове просыпается страх не стать таким же, страх признать в себе потенциальную «тварь». Как отмечает В. Н. Захаров, исповедь Мармеладова становится «первым судом над Раскольниковым, судом не юридическим, а нравственным, где обвинителем выступает само жизненное

дно» [Захаров: 45]. Этот «суд» происходит через коммуникацию, где Мармеладов, сам того не желая, становится провокатором рефлексии, вынуждая Двойника Раскольникова впервые болезненно проявиться во внешнем диалоге.

Рассказ Мармеладова о дочери, о жертве, принятой из безысходности, но ради других, а не ради идеи, ставит Раскольникова перед мучительным вопросом. Его будущая «жертва» (убийство старухи) задумана ради абстрактного «блага человечества». Жертва Сони — конкретна, она губит только себя. Мармеладов, признаваясь, что дочь отдала ему последние 30 копеек, — обнажает конкретную, а не теоретическую цену страдания [Достоевский 6: 20]. В этот момент Двойник Раскольникова (гордый теоретик) сталкивается с альтернативной, христианской парадигмой жертвы, которую он пока не в силах принять, но которая уже сеет в нем сомнение и страх перед собственным замыслом. Мармеладов во время беседы с Раскольниковым поворачивается к нему разными гранями своей личности: страдающей и глумящейся. Его Двойник периодически проступает во время рассказа о его прегрешениях:

Но через минуту лицо его вдруг изменилось, и с каким-то напускным лукавством и выделанным нахальством взглянул на Раскольникова [Достоевский 6: 20].

Двойник Мармеладова пробуждает в главном герое его собственного Двойника. Раскольников вспоминает после «пробы» слова Мармеладова о том, что «идти некуда», и мысль о преступлении в нем укрепляется. Теперь она является «вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде» [Достоевский 6: 39]. Встреча с девочкой на бульваре, с одной стороны, пробуждает сострадание героя, с другой стороны, напоминает ему о рациональных теориях современности:

Это, говорят, так и следует. Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... [Достоевский 6: 43].

Воспоминание о разговоре офицера со студентом, свидетелем которого он когда-то был, укрепляет в нем этический рационализм:

За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения!
Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! [Достоевский
6: 54].

А. Н. Ужанков находит в романе «Преступление и наказание» все стадии сочетания души с греховным помыслом. После встречи с Лизаветой на Сенной площади, когда Раскольников узнает о том, что завтра ее не будет дома в семь вечера, его душа оказывается в состоянии «пленения» грехом [Ужанков: 183], то есть одержимости «нечистым духом». Герой это сам понимает. Когда он неожиданно находит топор в дворничкой, он замечает себе: «Не рассудок, так бес!» [Достоевский 6: 60]. Двойник толкает героя на совершение преступления, а после убийства противится его покаянию: «Он было бросился на колени молиться, но даже сам рассмеялся...» [Достоевский 6: 74], пробуждает «мрачное» и «мучительное» ощущение невозможности общения с людьми [Достоевский 6: 81], усиливает страх, который становится «невыносимым», то есть разрушает героя [Соловьева: 139]. Рядом с Исаакиевским собором Раскольников ощущает «дух немый и глухий» [Достоевский 6: 90].

Носителями этического рационализма в романе являются Лужин и Свидригайлов. Петр Петрович Лужин противопоставляет евангельской заповеди любви к ближнему любовь к себе и пытается дать рациональное обоснование эгоизму:

<...> чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело [Достоевский 6: 116].

Аркадий Иванович Свидригайлов — это Двойник Раскольникова как кошмарное воплощение теории «право имеющих». Его философия, лишенная всякого «наполеоновского» пафоса, сводится к оправданию собственных низменных инстинктов. В диалоге с ним Раскольников открывает для себя завершение пути, на который он вступил. Свидригайлов, объясняя Дуне мотивы преступления Раскольникова, вновь обращается к «арифметике»: «единственное зло и сто добрых дел» [Достоевский 6: 378].

После похорон Мармеладова Свидригайлов обнажает практическую, бытовую подоплеку «права сильной личности». Его оправдания

в преследовании Дуни, история с Марфой Петровной заставляют Раскольникова увидеть, что перед ним циничный, скучающий сластолюбец, для которого теория — лишь оправдание низменных инстинктов. Его Двойник смотрится в это зеркало и видит собственное возможное вырождение. Рассуждение Свидригайлова о привидениях как «клочках и отрывках других миров» [Достоевский 6: 221] — это логика человека, стоящего на пороге небытия. Для Раскольникова, чей рассудок и так напряжен до предела, этот диалог — зеркало его собственного духовного распада. Страх здесь поднимается на новый уровень: это не страх перед людьми или наказанием, а метафизический ужас перед пустотой, «банькой с пауками» как финалом всех идей и страстей. Фраза Свидригайлова «мы одного поля ягоды» [Достоевский 6: 221] — это констатация родства, которую Раскольников с ужасом отвергает. Но Разумихину после встречи с Свидригайловым он признается, что словно «призрак видел», то есть беседовал сам с собой [Достоевский 6: 225]. Страх перед Свидригайловым, по замечанию исследователя Ю. Ф. Карякина, — это страх Раскольникова перед самим собой, узнавание в другом той духовной пустоты и метафизического тупика, к которым ведет логика его идеи [Карякин: 187].

Особое место в системе Двойников Раскольникова, как ни парадоксально это звучит, занимает Порфирий Петрович. На полях романа «Подросток» Ухтомский пишет об этом герое:

Следователь в «Преступлении и наказании» — гораздо более опасный двойник и сатана»; Дураки-самодовольцы изучают следователя в «Преступлении и наказании», как мастерский пример для юридического подражания, а не догадываются об истинном замысле автора [Методология: 115–116].

Появление этого героя в романе связано со спорами вокруг этического рационализма, который обнаруживает Разумихин во взглядах социалистов:

<...> социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным [Достоевский 6: 197].

Лебезятников доводит мысли социалистов до шаржа, утверждая, что «все от среды, а сам человек есть ничто» [Достоевский 6: 283]. Но если Разумихин опровергает рационализм («С одной логикой нельзя через натуры перескочить» [Достоевский 6: 197]), то Порфирий Петрович, включая Раскольникова в провокативный диалог, утверждает, что преступление можно объяснить влиянием «среды» [Достоевский 6: 197]. Раскольников берет под защиту социалистов: «Трудолюбивый народ и торговый; “общим счастьем” занимаются» [Достоевский 6: 211].

А. А. Ухтомский раскрывает образ Порфирия Петровича как не умного, ироничного и психологически тонкого юриста, а самого опасного Двойника Раскольникова. Порфирий, как пишет исследователь Л. П. Гроссман, ведет «психологический эксперимент», подставляя Раскольникову серию зеркал, «в каждом из которых преступник должен узнать искаженное, но узнаваемое изображение собственной души» [Гроссман: 174].

Порфирий Петрович в диалоге с Раскольниковым становится зеркалом, в котором главный герой романа видит себя не как преступника, а как идеолога и нового Наполеона. Следовательно ведет игру на поле теории Раскольникова, признает ее как предмет серьезного обсуждения: «Все дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на “обыкновенных” и “необыкновенных”» [Достоевский 6: 199]. Порфирий Петрович, обсуждая статью Раскольникова, обходит этическую составляющую проблемы. Этим следовательно легитимизирует его теорию, превращая внутренний монолог Раскольникова в диалог, в интеллектуальный поединок. Весь диалог героев — это тонкая, изощренная проверка теории на прочность. Порфирий затягивает Раскольникова в трясину его собственных мыслей, заставляя его вновь и вновь переживать и защищать свою идею. Он ловит душу в сети ее же гордыни. В этом — сатанинская роль следователя. Раскольников, создавший в себе доминанту «право имеющего» Наполеона, притягивает к себе именно такого «заслуженного собеседника» — Порфирия, который разговаривает с ним на языке его теории.

В беседе Раскольникова и Порфирия проявляется высшая форма двойничества: оба не видят в другом «лица» (личности). Теория Раскольникова не учитывает человека: «Люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда...» [Достоевский 6: 200]. Раскольников хочет видеть в Порфирии ценителя своей теории, а не следователя.

Порфирий, со своей стороны, тоже видит в Раскольнике не страдающего человека, а частный «случай» из практики, теоретика-убийцу [Достоевский 6: 261, 263].

А. А. Ухтомский был прав, назвав Порфирия «гораздо более опасным двойником». Следователь опасен, потому что не борется с Раскольниковым, а ведет с ним интеллектуальную игру. Порфирий — проекция внутреннего конфликта Раскольникова, он не только выражает его идеи, но становится голосом сомнений, страха и неизбежного возмездия, которые уже живут в Раскольнике.

Соня Мармеладова представляет собой духовную противоположность Двойников главного героя и указывает ему выход из тупика. Диалог с Соней построен на парадоксе. Раскольников начинает с холодного, почти жестокого испытательного вопроса, пытаясь загнать ее в логическую ловушку: «А с вами что будет?... На улицу всею гурьбой пойдут...» [Достоевский 6: 245]. Его цель — спровоцировать в ней либо отчаяние, подтверждающее его теорию о бессмысленности жертвы, либо цинизм «сильной личности», которая пытается выжить. Однако Соня разрушает эту логику. Она «переступила» не ради идеи, а ради близких, и ее жертва конкретна и мучительна. В диалоге с ней теория Раскольникова разбивается о реальность живого, страдающего человека. Ее фраза «Что же вы, что же вы это над собой сделали!» [Достоевский 6: 316] и безоговорочное сострадание обезоруживают героя. Как отмечал М. М. Бахтин, в диалоге с Соней «сознание Раскольникова встречается с чужим сознанием, не отстраняющим его, а любовно принимающим и этим самым вынуждающим к внутреннему преображению» [Бахтин: 124].

Чтение Евангелия — это акт коммуникативный, но невербальный по сути. Раскольников заставляет Соню читать для того, чтобы наблюдать за ее верой, чтобы через ее дрожащий голос, преодоление стыда и восторг прийти к «величайшему и неслыханному чуду» — не воскрешению Лазаря, а воскрешению веры в самой Соне, которая живет в аду, но не отчаялась [Достоевский 6: 251]. Для него, скептика, это чудо страшнее и притягательнее любого логического довода. Страх Раскольникова в этой сцене кардинально иной, чем в эпизоде с Мармеладовым. Его пугает и одновременно магнетически притягивает сила Сониной веры, ее способность жить в невыносимом, не сломавшись и не ожесточившись. Он с ужасом осознает, что Соня «переступила» ради дру-

гих, а его планируемое преступление — ради себя и своей идеи. Этот страх — страх перед очевидностью собственной неправоты. В эпилоге жизнь сердца вытесняет интеллектуальную работу: «Вместо диалектики наступила жизнь» [Достоевский 6: 422].

В романе «Бесы» (1872) Достоевский создает образ города, погруженного во мрак, из которого высвечиваются герои — носители грехов и одержимые нечистой силой. Возникает ассоциация с сочинением блаж. Августина «О граде Божием», где человеческая душа отождествляется с городом. Освобождение от грехов ведет к созданию нового града, более совершенного. Именно так можно воспринимать сюжет произведения, где показаны убийства и самоубийства, пожар, ужас разрушения. Этот город в финале покидает Степан Трофимович Верховенский, один из главных героев, либерал и учитель нигилистов. Обращаясь к Евангелию, он вспоминает сюжет о бесах, вошедших в стадо свиней, и сравнивает себя и сына с этой нечистой силой, которая овладела Россией [Достоевский 10: 499]. На празднике гувернанток один из героев, генерал, напоминает библейскую истину: город «не стоит без семи праведников» [Достоевский 10: 388]. О сопротивлении злу праведников, героев романа «Бесы», писала Е. А. Федорова [Гаричева], [Федорова 2023].

Необходимо добавить, что в романе «Бесы» показано разрушение личности как разная степень рационализации сознания либералов и нигилистов, при этом значительную роль играет изображение «двойничества» героев. Так, губернатор фон Лембке заботится прежде всего о форме, о «приличном виде» [Достоевский 10: 246], что корреспондирует с размышлениями Раскольникова: «Почему лупить в людей бомбами, правильно осадю, более почтенная форма?» [Достоевский 6: 400]. Наказанием для Лембке становится безумие.

Степан Трофимович Верховенский сначала живет в доме матери Николая Ставрогина как учитель ее сына, потом становится просто приживальщиком, но не испытывает чувство благодарности к Варваре Петровне. Двойник Степана Трофимовича раскрывает его тщеславие, поскольку Верховенский говорит постороннему лицу (рассказчику-хроникеру), что Варвара Петровна Ставрогина «держит его из тщеславия, завидует его учености и талантам; ненавидит его и боится только высказать свою ненависть явно, в страхе, чтоб не ушел от нее и тем не повредил ее литературной репутации» [Достоевский 10: 13].

Поскольку никакой «литературной репутации» у Варвары Петровны нет, то это означает, что свои страхи и амбиции герой переносит на другого человека.

В самый трудный и самый «романтический» период отношений героев, когда Варвара Петровна стала вдовой и нуждалась в сочувствии, Степан Верховенский вдруг задумывается:

Не рассчитывает ли неутешная вдова на него и не ждет ли в конце траурного года предложения с его стороны? [Достоевский 10: 17].

Двойник Степана Трофимовича актуализирует доминанту героя, направленную на себя, а не на другого человека, который нуждается в сочувствии и поддержке. Наконец, сомнения Степана Верховенского по поводу невесты, которую предложила ему Ставрогина, Даши Шатовой, объясняются после сплетни Липутина о «чужих грехах», которые нужно прикрыть женитьбой. Рассказчик упрекает Степана Трофимовича в «грязной», «низкой мысли», появившейся в «светлом уме» Верховенского безо всяких «оснований» [Достоевский 10: 86]. Рассуждая о будущем, Степан Трофимович говорит, что у его жены будут не его дети [Достоевский 10: 100]. Таким образом, Степан Верховенский не верит в людей и сосредоточен на себе, его порок — самолюбие и тщеславие.

Герой-теоретик романа «Бесы», Николай Ставрогин, является носителем этического рационализма. Его видение «золотого века» разворачивает картину заката солнца, о которой вспоминает Свидригайлов, и свидетельствует о прежней целостности героя-идеолога, которая была им утрачена. На полях книги, которая принадлежала Ухтомскому, ученый фиксирует духовное падение героя, когда происходит сговор Ставрогина с Петром Верховенским: «Они уже “одно”! Между ними уже ничто не неожиданно!» [Методология: 123]. Петр Верховенский становится Двойником Ставрогина, и Ухтомский формулирует на полях романа закон «заслуженного собеседника»:

Твой собеседник тоже таков, каким ты его себе заслужил! <...> это твоё “ты”, и слышишь от него то, что уже носишь в своей душе, хотя бы в начатке... Другое проходит мимо ушей, к другому ты иммунен! Праведный иммунен к бесу! [Методология: 123].

Таким образом, Ставрогин не смог сопротивляться искушению, предложению Петра Верховенского убить Лебядкиных, поскольку уже нес в себе греховную мысль или, по словам Ухтомского, «зачатки преступления».

Хронотоп Ставрогина соответствует пространству «подпольного» человека: он «молча вошел в темный, как погреб, отсыревший и мокрый старый сад» [Достоевский 10: 183]. Его Двойника видит ребенок, который закатывается «долгим детским плачем» [Достоевский 10: 185]. Шатов обвиняет его в «нравственном сладострастии» [Достоевский 10: 202]. Лебядкин думает о том, что Ставрогин «для зла людям живет» [Достоевский 10: 214]. Особенно явственно проступает Двойник Ставрогина в эпизодах, подготовляющих убийство Лебядкиных. Во время посещения Марьи Тимофеевны в его взгляде «выразилось отвращение, даже злорадное наслаждение ее испугом» [Достоевский 10: 215]. Марья Лебядкина обличает его малодушие, вспоминая о его «низком лице», когда она упала на глазах у всех, а он испугался смеха окружающих. Затем Хромоножка говорит, что видела, как он «нож вынимал», когда заходил в ее комнату [Достоевский 10: 219]. Это видение можно отнести к демонологическим. Ставрогин подтверждает свою одержимость в беседе с Дашей Шатовой:

Один бесенок предлагал мне вчера на мосту резать Лебядкина и Марью Тимофеевну, чтобы порешить с моим законным браком [Достоевский 10: 230].

Даша хотела бы освободить Ставрогина от его одержимости: «Сохранит вас Бог от вашего демона» [Достоевский 10: 231]. Но Ставрогин в ответ называет своего демона «золотушным бесенком» [Достоевский 10: 231].

Однако после признания Лизе о том, что он причастен к убийству Лебядкиной, Ставрогин, по мысли Ухтомского, может освободиться от своего Двойника-«беса»:

Открытого покаяния, открытого самосознания греховности — вот чего более всего не терпит бес-двойник! От этого приходит в ярость, в крайнее раздражение, впадает в болезнь и погибает! [Методология: 469].

Ставрогин разумом понимает свои ошибки, но исправить их ему мешает отсутствие веры и любви к конкретному человеку, а также страх быть смешным в глазах обывателя. В монастыре Тихон говорит Ставрогину об атеизме как ступени к вере:

Совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха [Достоевский 11: 10].

В рукописных редакциях романа Достоевский замечает:

Архиерей же добывает Князя обязанностию самовоскресения, самообработки — т. е. необходимостью практического дела Православия при таких понятиях, какие ты имеешь о Православии [Достоевский 11: 195].

Старец Тихон (прототипом которого был Тихон Задонский) также видит Двойника Ставрогина и предсказывает ему будущее. Совпадение доминанты и хронотопа Собеседника с высшим «наадресатом», по мнению Ухтомского, может открывать будущее. На полях романа «Игрок» Ухтомский пишет:

Доминанта не только место наибольшей возбудимости, но и наибольшего усвоения ритма. Это в особенности о сенсорной доминанте. Оттого она отзывчива на наибольшее число раздражителей. Так доминанта на своей высоте, хронотоп внутри и хронотоп вне некоторое время идут в непосредственном совпадении. И тогда естественно пророческое постижение и прозорливость [Методология: 120].

Больше всего Ухтомского интересует философия Кириллова. Остановившись на эпизодах встречи Кириллова и Ставрогина, Кириллова и Петра Верховенского, Ухтомский размышляет о причинах отъединения героя-идеолога от божественного бытия. Он считает, что Кириллов не чувствует Бога в своем сердце, он является носителем идеи, которая препятствует его вере:

Когда Бога представляют абсолютно внешним для человека, он становится великим мэном [Методология: 120].

Как замечает Верховенский, Кириллова «съела идея» [Достоевский 10: 426]. Кроме того, главным барьером на пути к божественному бытию, по мнению Ухтомского, становится своеволие Кириллова. Он противопоставляет позицию героя и христианский принцип «облечения во Христе», который предполагает послушание и отдавание себя в волю Божию, то есть отсутствие страха перед жизнью:

Христианское сознание в том, что есть Бог, и человек становится богом ради Него, — вниманием, послушанием, соединением, приобщением Ему [Методология: 120].

В главе «У наших» появляется герой-идеолог Шигалев, чей сценарий будущего напоминает теорию Раскольникова: в «земном раю» окажется одна десятая человечества, наделенная «свободой личности», остальные станут для нее материалом [Достоевский 10: 312]. Петр Верховенский подхватывает идею принести в жертву избранным людям будущего «пятьсот миллионов голов» [Достоевский 10: 315]. По существу убийство Шатова имеет такую же идеологическую основу, что и преступление Раскольникова: «наши» или «избранные» должны устранить одного из тех, кого отнесли к «материалу». Петр Верховенский предвосхищает великого инквизитора, когда говорит: «Желание и страдание для нас, а для рабов шигалевщина» [Достоевский 10: 323]. Кроме того, Петр Верховенский Ставрогину говорит о том, что для их деятельности уже есть основа в обществе, поскольку среди русских людей распространяются идеи, что преступление — это «здравый смысл», «долг», «благородный протест», то есть находятся рациональные идеи, которые оправдывают преступника [Достоевский 10: 324]. На празднике гувернанток эти слова подтверждает «оратор», который утверждает, что «присяжные берут взятки единственно лишь в борьбе за существование, когда приходится умирать им с голоду» [Достоевский 10: 375]. Петр Верховенский прямо говорит, что необходимо разрушить «государство и его нравственность» [Достоевский 10: 463]. «Ложным умом» называет младшего Верховенского Кириллов [Достоевский 10: 470].

Шатов поднимается на протест против этического рационализма, «равенства без собственного достоинства» [Достоевский 10: 442]. Любовь к конкретному человеку, к жене, которая к нему возвратилась, «великая тайна», чудо рождения ребенка, которое происходит на Бого-

явленной улице, помогает ему окончательно поверить в Бога и в себя, в возрождение семьи, почувствовать «новую мысль и новую любовь» [Достоевский 10: 452]. Степан Трофимович перед смертью признается в любви Варваре Петровне и утверждает, что «любовь венец бытия» [Достоевский 10: 505]. Соня Мармеладова своей любовью также пробуждает у Раскольникова желание новой жизни и новой веры.

В системе диалогов Раскольникова Двойник — это зеркало его гордыни, страха и внутреннего раскола. С Мармеладовым, Свидригайловым и даже Порфирием Петровичем на первых этапах общения строится как конфликтное отражение: Раскольников видит в собеседнике либо подтверждение своей теории, либо ее уродливое воплощение. Однако с Соней Мармеладовой и, в финале, с Порфирием происходит качественный сдвиг: Двойник уступает место Собеседнику — тому, кто не борется с сознанием Раскольникова, а принимает его, открывая путь к преображению. Речь Порфирия Петровича наполняется образами обновления и жизни, контрастирующими с духотой и смертью, окружающими героя:

Вам теперь надо только воздуху переменить <...> Великое сердце имейте да поменьше бойтесь [Достоевский 6: 351].

Следователь изображает каторгу не как наказание, а как место искупления греха и возвращения к людям. Он обращается не к логическим, а к психологическим аргументам и нравственным доводам.

Таким образом, проявлением Двойника в героях Достоевского являются не только тщеславие, самолюбие, но и страх перед жизнью. Преодоление Двойника возможно только любовью к конкретному человеку, открытием «лица» другого человека, верой в него и Бога. На этом пути важной и необходимой становится встреча с Собеседником — тем, кто помогает герою услышать в себе голос совести и увидеть в другом не отражение своей идеи, а живую душу.

Список литературы

Источники

Джемс У. Психология / пер. И. И. Лапшина. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1896. 410 с.

Добротолюбие в русском переводе, дополненное: в 5 т. М.: Изданием Русского на Афоне Пантелеймонова монастыря, 1895. Т. 2. 760 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. СПб.: Наука, 1972–1990.

Исследования

Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник»: некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов на человека и его от ношения с окружающим миром // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 1999. Вып. 13. С. 123–131.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.

Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 372 с.

Гаричева (Федорова) Е. А. Ф. М. Достоевский о преобразении личности в романе «Бесы» // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 150–155.

Гроссман Л. П. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с.

Даренский В. Ю. Философия А. А. Ухтомского как экзистенциальная герменевтика // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 46–58.

Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: ЛГУ, 1985. 208 с.

Ильин Е. А. Парадоксы любви в романах Достоевского. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. 656 с.

Меркулов В. Л. О влиянии Ф. М. Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского // Вопросы философии. 1971. № 11. С. 116–121.

Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского: коллективная монография / под науч. ред. Е. А. Федоровой. СПб.: РХГА, 2024. 540 с.

Соколова Л. В. А. А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. 316 с.

Соловьева Д. А. Концепт «страх» в речи Раскольникова // Художественный текст глазами молодых / сост. М. Г. Пономарева, Е. А. Федорова. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. С. 134–140.

Столбун В. Д., Столбун Ю. В. «Двойник» Ухтомского-Достоевского // Актуальные проблемы социальной психологии. Ярославль; Тверь: Лилия Принт, 2001. Т. 1. С. 534–555.

Ужанков А. Н. Святоотеческое учение о «прилоге» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 172–189.

Федорова Е. А. Доминанта души и хронотоп Раскольников: от «Двойника» к «Собеседнику» (по А. Ухтомскому) // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 327–332.

Федорова Е. А. Принцип доминанты в образах героев романа «Бесы» Ф. М. Достоевского (в свете этического учения А. А. Ухтомского) // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21 (1). С. 161–182.

Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А. А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Проблемы исторической поэтики. 2001. Вып. 6. С. 21–42.

References

Ashimbaeva, N. T. "Dvoynik ili 'zasluzhennyi sobesednik': nekotorye voprosy poetiki Dostoevskogo v svete vzgliadov na cheloveka i ego otnosheniia s okruzhaiushchim mirom" ["The Double or the 'Distinguished Interlocutor': Some Issues of Dostoevsky's Poetics in Light of Views on Man and His Relationship with the World Around Him"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura* [Dostoevsky and World Culture], issue 13. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 1999, pp. 123–131. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaiia Rossiia Publ., 1979. 320 p. (In Russ.)

Vetlovskaiia, V. E. Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2007. 372 p. (In Russ.)

Garicheva (Fedorova), E. A. "F. M. Dostoevskii o preobrazhenii lichnosti v romane 'Besy'." ["Dostoevsky on the Transformation of Personality in the Novel 'Demons.'"]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, 2008, pp. 150–155. (In Russ.)

Grossman, L. P. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1965. 608 p. (In Russ.)

Darenskii, V. Iu. "Filosofia A. A. Ukhtomskogo kak ekzistentsial'naia germenevtika" ["The Philosophy of A. A. Ukhtomsky as Existential Hermeneutics"]. *Filosofskii polilog: zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniia russkoi filosofii*, no. 2, 2019, pp. 46–58. (In Russ.)

Zakharov, V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: Tipologiia i poetika* [Dostoevsky's System of Genres: Typology and Poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)

Il'in, E. A. *Paradoksy liubvi v romanakh Dostoevskogo* [Paradoxes of Love in Dostoevsky's Novels]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003. 256 p. (In Russ.)

Kariakin, Iu. F. *Dostoevskii i kanun XXI veka* [Dostoevsky and the Eve of the 21st Century]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 656 p. (In Russ.)

Merkulov, V. L. "O vliianii F. M. Dostoevskogo na tvorcheskie iskaniiia A. A. Ukhtomskogo" ["On the Influence of F. M. Dostoevsky on the Creative Searches of A. A. Ukhtomsky"]. *Voprosy filosofii*, no. 11, 1971, pp. 116–121. (In Russ.)

Metodologiia aksiologicheskogo podkhoda k izucheniiu russkoi slovesnosti A. A. Ukhtomskogo i D. I. Chizhevskogo: kollektivnaia monografiia [Methodology of

the Axiological Approach to the Study of Russian Literature by A. A. Ukhtomsky and D. I. Chizhevsky: A Collective Monograph], ed. by E. A. Fedorova. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2024. 540 p. (In Russ.)

Sokolova, L. V. A. A. *Ukhtomskii i kompleksnaia nauka o cheloveke* [A. A. Ukhtomsky and the Comprehensive Science of Man]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2010. 316 p. (In Russ.)

Solov'eva, D. A. "Kontsept 'strakh' v rechi Raskol'nikova" ["The Concept of 'Fear' in Raskolnikov's Speech"]. *Khudozhestvennyi tekst glazami molodykh* [A Literary Text Through the Eyes of the Young], comp. by M. G. Ponomareva, E. A. Fedorova. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., 2020, pp. 134–140. (In Russ.)

Stolbun, V. D., and Iu. V. Stolbun. "Dvoinik' Ukhtomskogo-Dostoevskogo" ["The Double' of Ukhtomsky-Dostoevsky"]. *Aktual'nye problemy sotsial'noi psikhologii* [Current Problems of Social Psychology], vol. 1. Yaroslavl, Tver, Liliia Print Publ., 2001, pp. 534–555. (In Russ.)

Uzhankov, A. N. "Sviatootecheskoe uchenie o 'priloge' v romane F. M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'." ["The Patristic Doctrine of the 'Addendum' in F. M. Dostoevsky's Novel 'Crime and Punishment'."]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 2, 2020, pp. 172–189. (In Russ.)

Fedorova, E. A. "Dominanta dushi i khronotop Raskol'nikova: ot 'Dvoinika' k 'Sobesedniku' (po A. Ukhtomskomu)" ["The Dominant of the Soul and Raskolnikov's Chronotope: From 'The Double' to 'The Interlocutor' (Based on A. Ukhtomsky)"]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniia*, vol. 2, no. 4 (8), 2016, pp. 327–332. (In Russ.)

Fedorova, E. A. "Printsip dominanty v obrazakh geroev romana 'Besy' F. M. Dostoevskogo (v svete eticheskogo ucheniia A. A. Ukhtomskogo)" ["The Principle of Dominance in the Images of the Characters of F. M. Dostoevsky's Novel 'Demons' (In Light of A. A. Ukhtomsky's Ethical Teachings)"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 21 (1), 2023, pp. 161–182. (In Russ.)

Khalizev, V. E. "Intuitsiia sovesti (teoriiia dominanty A. A. Ukhtomskogo v kontekste filosofii i kulturologii XX veka)" ["Intuition of Conscience (A. A. Ukhtomsky's Theory of Dominance in the Context of 20th-Century Philosophy and Cultural Studies)"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, issue 6, 2001, pp. 21–42. (In Russ.)